СЛОВО,

въ присутствіи

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

МАРІИ ѲЕОДОРОВНЫ,

при гробѣ

блаженныя памяти

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСІЕВНЫ,

въ Можайскомъ Николаевскомъ Соборѣ,

ГОВОРЕННОЕ

Сѵнодальнымъ Членомъ *Филаретомъ*,

Архіепископомъ Московскимъ,

Маія 26 дня, 1826 года.

МОСКВА.

Въ Сѵнодальной Типографіи,

1826.

Услыши молитву мою, Господи, и моленіе мое внуши, слезъ моихъ не премолчи: яко пресельникъ азъ есмь у Тебе и пришлецъ, якоже вси отцы мои. Ослаби ми, да почію, прежде даже не отъиду, и кътому не буду. Псал. XXXVIII. 13. 14.

Когда кто изъ Высокихъ на земли, по судьбѣ, для земнородныхъ общей, отходитъ въ землю: присемъ обыкновенно слышатся отголоски славы, которая сопровождала его во время земной жизни. Слышимъ оные и теперь; но величественнѣе самой славы слышится здѣсь — молчаніе. Дерзая говорить, колеблюсь опасеніемъ, чтобы не возмутить безмолвнаго сѣтованія Царицы Матери, — чтобы не нарушить послѣдняго безмолвія Царицы Дщери, которая и среди славы знаменитѣйшаго изъ Домовъ Царскихъ, во дни особенно громкіе

славою, любила погружаться въ безмолвïе.

Но слово молитвы, надѣюсь, не будетъ противно безмолвïю, которое одушевляется молитвою. И такое слово прïемлю отъ Псалмопѣвца, дабы въ размышленïи, хотя по необходимости печальномъ, искать нѣкотораго врачевства противъ печали.

Услыши молитву мою, Господи, и моленïе мое внуши, слезъ моихъ не премолчи. Кто приноситъ Господу столь печальную молитву? — Книга Псалмовъ сказуетъ, что Давидъ. Но что погрузило его въ печаль, столь горькую? — Псаломъ не представляетъ на сïе яснаго отвѣта. Не видно здѣсь вины, которою бы страждущïй заслужилъ страданïе; страждетъ желающïй *сохранить лути* свои, *еже не согрѣшати* даже *языкомъ*.

Преселникъ азъ есмь у тебе и пришлецъ, якоже вси отцы мои: такъ продолжаетъ молитву свою Царь Израилевъ. Но цѣлое царство не есть ли нѣкоторымъ образомъ домъ и семейство Царя? Какъ же должно быть сильно внутреннее чувство лишенїя, чтобы Царь потерялъ изъ вида не только Домъ свой, но и цѣлое царство свое, и нашелъ себя чуждымъ, одинокимъ, пришельцемъ, странникомъ!

Наконецъ печальный Царь взываетъ къ Богу: *ослаби ми, да почїю, прежде даже не отъиду, и ктому не буду.* Какая безутѣшная печаль! Онъ уже не проситъ радости, благополучїя: онъ умоляетъ, даровать ему облегченїе печали, отдохновенїе отъ страданїя: *ослаби ми, да почїю.* Онъ уже не прельщается продолженїемъ жизни; но думаетъ удовольствоваться тишиною послѣднихъ минутъ: *да почїю, прежде даже не отъиду, и ктому не буду.*

При воображенїи сего тяжкаго состоянїя, и мало знакомое съ нещастїемъ сердце раздирается: при помышленїи же, что таково было состоянїе человѣка, не только не оставленнаго Богомъ, но и возлюбленнаго Богу, и молившагося Духомъ Святымъ, — изумленная мысль, какъ отторженная отъ брега ладїя, носится по безднѣ судебъ, покрытой мракомъ непостижимости.

Не дадимъ себѣ долго носиться и волноваться безполезно. Есть пристанище вѣры, всегда отверзтое, всегда близкое для обуреваемыхъ; есть якорь надежды, который малую ли ладїю, великїй ли корабль, равно удержать можетъ въ безопасности.

Что за судьба, которая и на благочестивыхъ и добродѣтельныхъ людей, или посылаетъ, или попускаетъ, искушенїя, печали, бѣдствїя жизни?— Не иная, какъ судьба любви: *егоже бо любитъ Господь, наказуетъ.*

(Евр. XII, 6.) Почему души благородныя и возвышенныя болѣе иногда подвергаются скорбямъ, нежели обыкновенные люди, такъ что ни покровъ видимаго щастїя, которымъ облекаетъ ихъ самая порода и званїе, ни попеченїя любящихъ, самыя дѣятельныя и самыя нѣжныя, не укрываютъ ихъ отъ ударовъ, коими поражаетъ ихъ рука невидимая? — Сїе бываетъ съ душами благородными и возвышенными потому именно, что онѣ суть возвышенныя и благородныя; потому что онѣ драгоцѣнны, какъ золото, и прїятны Богу, какъ избранная жертва. *Богъ искуси ихъ, и обрѣте ихъ достойны Себѣ: яко злато въ горнилѣ искуси ихъ, и яко всеплодїе жертвенное прїятъ я.* (Прем. III. 5. 6.) Но какой нынѣ порядокъ, когда наилучшїя души такъ жестоко страждутъ? — Такой же, какой наблюдается, когда полагаютъ золото въ горнило, жертву на жертвенникъ. Золото будетъ

чисто; жертва низведетъ благодать; огнемъ страданія искушенная душа просіяетъ чистотою, а наконецъ и блаженствомъ: *во время посѣщенія ихъ возсіяютъ.* (Прем. III. 7.)

Послѣ сего размышленія не такъ тяжко мнѣ коснуться предмета, который такъ болѣзненно сердецъ касается.

Государыня, Которой душевныя свойства и расположенія были такъ же возвышенны, какъ санъ Ея;— Которой умъ свѣтился и сквозь Ея любимое молчаніе;—Которой сердце, кроткое и человѣколюбивое, какъ ни закрывалось скромностію, въ самыхъ Ея взорахъ являлось, узнаваемо было наипаче страждущими и сострадательными, отверзалось къ сострадательнымъ для участія и покровительства въ дѣлахъ состраданія, къ страждущимъ для благотвореній, большею частію тайныхъ; —

Которая въ труднѣйшихъ приключенїяхъ, не только не изнемогала духомъ, но и одушевлялась неожиданною силою къ труднѣйшимъ подвигамъ, какъ то, во времена болѣзней Своего Супруга, преодолѣвая и Свою немощь, и Свою печаль, такъ сказать, поселялась и жила при одрѣ Болящаго; — такая душа не была ли достойна всего возможнаго на земли щастїя? И не столько ли же Она была окружена средствами щастїя, сколько была онаго достойна? Ахъ! естьли Августѣйшїй Супругъ, преодолѣвая всѣ трудности, перенесся съ Нею на край Государства, чтобы доставить Ей или здравїе, или хотя облегченїе и услажденїе въ тяжкой болѣзни; — естьли Августѣйшая Матерь, преодолѣвая всѣ трудности, отторгая Себя отъ другаго, также матерняго попеченїя, далеко текла Ей на встрѣчу, чтобы пролить отраду любви въ Ея многострадальное сердце; и

оставленное возлюбленною душею тѣло другой разъ далеко преслѣдуетъ, безплодными уже, но еще вожделѣнными для Матерней любви лобзаніями:—то чего не готовы были сдѣлать АЛЕКСАНДРЪ и МАРІЯ, чтобы ЕЛИСАВЕТА была щасплива долго, непрерывно, совершенно? При всемъ томъ судьба вела Ее путемъ жизни не къ великому, подобно Ея добродѣтелямъ, щастію, но къ величественному нещастію.

Желаніе имѣть дѣтей, то совсѣмъ неудовлетворяемое, то болѣе раздражаемое, нежели удовлетворяемое рожденіемъ краткожизненныхъ, давно, кажется, посѣяло въ сердцѣ Ея болѣзнетворное сѣмя уныніа. Бѣдственнымъ потопомъ Столицы напоено сіе сѣмя; и необычайно возбужденная сердечная скорбь состраданія прозябла и развилась въ тѣлесную болѣзнь сердца.

Въ сердцѣ Супруга обрѣлось дѣйствительнѣйшее врачевство для Ея сердца: но жизнь, которая любовїю питала и поддерживала угасающую жизнь Ея, внезапно сама угасла; и оставила ее въ странѣ пришельствїя, какъ угасающїй въ тучахъ вечеръ оставляетъ истощившаго силы странника во мрачной пустынѣ.

Благословенно могущество вѣры! только Ея небесный огнь могъ воспрепятствовать смертному хладу вскорѣ объять сердце, которое болѣзнь стремительно приближала ко гробу, а любовь совсѣмъ полагала во гробъ АЛЕКСАНДРА.

Благость Брата и Преемника Его подвиглась, чтобы беречь и утѣшать Его Вдовицу, и для сего, естьли можно, возвратить Ее въ нѣдра семейства. Изъ отдаленнаго града пресельничества Своего предприняла Она возвратное странствованїе. На

семъ пути, какъ путеводительная звѣзда, по захожденіи солнца, какъ новая искра жизни, блеснула Ей надежда утѣшенія отъ сердца Матери АЛЕКСАНДРА. Странствующая поспѣшаетъ къ сему вожделѣнному свѣту; напрягаетъ останки силъ; простираетъ объятія; Августѣйшая Матерь взаимно ихъ простираетъ. Достигай сихъ животворныхъ объятій, почій, хотя мало, въ нихъ, утомленная тѣлесными и душевными страданіями ЕЛИСАВЕТА! — Увы! упадаютъ праздныя объятія; ЕЛИСАВЕТА почіетъ не тѣмъ покоемъ, котораго ждала въ объятіяхъ Матери, но тѣмъ, который ожидаетъ седмерицею въ скорбяхъ очищенную душу Ея въ лонѣ Отца чистыхъ сердцемъ. Не окончивъ странствованія, Она прешла въ отечество, изъ котораго уже не странствуютъ: *отвиде, и ктому не будетъ.*

Отче небесный, колико непостижимый въ судьбахъ Твоихъ, толико же безконечный во благости Твоей! не перекаемъ непреложной волѣ Твоей, совершившейся надъ Вѣнчанною Рабою Твоею Благочестивѣйшею ИМПЕРАТРИЦЕЮ ЕЛИСАВЕТОЮ, на земли: но молимъ, со дерзновенїемъ упованїя молимъ, соверши надъ Нею благую и вѣчноблаженную волю Твою на небеси. Увѣнчанную здѣсь сугубымъ вѣнцемъ, Царскимъ — отъ камени честна, и Хрїстїанскимъ — отъ терпѣнїя, вѣнцемъ величїя и вѣнцемъ терпѣнїя, увѣнчай и тамъ усугубленною славою, да безмолвная въ земномъ страданїи отверзетъ наконецъ уста Свои въ небесномъ веселїи, чтобы благодарственно исповѣдать предъ Тобою блаженную тайну сего страданїя: *по множеству болѣзней моихъ въ сердцѣ моемъ, утѣшенїя Твоя возвеселиша душу мою.* (Пс. XCIII. 19).

Еще же не одна Царственная душа страждущая, цѣлый Домъ Царевъ, цѣлое Царство Россїйское взываетъ къ Тебѣ, Царю Царей: *ослаби ми, да почїю!* Еще не почило сердце наше отъ прежней печали, какъ постигла насъ новая. Вся земля наша, отъ края до края, отъ Столицы до Столицы, прочерчена погребальными путями Царскими. Довлѣетъ, Господи! да почїетъ гнѣвъ Твой на насъ; да почїетъ сердце наше предъ Тобою. Довольно торжествовала смерть и печаль; посли торжества жизни и радости мужественному Преемнику АЛЕКСАНДРА, и Августѣйшему Дому Его, и Россїи. Аминь.